

А.О. Добролюбский, А.В. Красножон

ТУРЕЦКИЙ ПОСЕЛОК И ЗАМОК ХАДЖИБЕЙ НА МЕСТЕ ОДЕССЫ

A.O. Dobrolyubskii, A.V. Krasnozhan. A Turkish Settlement and Castle Khadzhibey on territory of Odessa.

The article is dedicated to study of a settlement and fortress of Khadzhibey founded by the Turks on place of what is now Primorskii Boulevard in Odessa in 1785, which was conquered by the Russian troops led by the Admiral Joseph De Ribas in September 1789. Soon after the castle had been conquered, it was disassembled by the order of Knyaz G.A. Potemkin; this was a major source for historiographic confusion among the historians of Odessa in XIX and XX centuries.

Localisation of the fortress and its size stirred up scientific debates. Authenticity of scarce records was doubted: these are written witnesses of contemporaries, plans, drawings of the castle, as well as maps of the adjacent territory. Certain vagueness could be felt also in the J. De Ribas' s report on assault of the fortress.

These contradictions were fortunately eliminated through archaeological excavations led by the South-Ukrainian Pedagogical University on the territory of the castle and the settlement. Digging yielded remains of the fortress's foundation, studied an area on place of the karavan-saraj and mosque, as well as prospected locations of port features and a lighthouse. Besides, a rich archaeological collection has been collected, a stratigraphic diagnostics of the site has been done, based on which it was possible to correct its chronology. Few sherds of Golden Horde pottery were found along with the finds of the second half of XVIII century, which is indicative of existence of a small Tatar settlement on place of the Turkish Khadzhibey in this period.

The first part of the article is a brief overview of written records and a historiographic review. The second part is a generalisation of all archaeological information received over the last four years of excavations in Odessa. The archaeological evidence is the first publication.

Одесский «мусорный проект»

В последние десятилетия можно наблюдать, как во всем мире археологи все чаще склоняются к раскопкам памятников, близких нашему времени, или же современных. Сейчас уже мало кого удивляет, что во многих странах изучаются культурные слои «нового времени», а также современные города и поселки — либо сравнительно недавно оставленные, либо ныне «живые». Эти занятия породили и новые направления археологического поиска — «промышленную археологию», этноархеологию, археологию «свежих памятников» и даже гарбологию (garbage — мусор) или «мусорологию» — науку, изучающую современные бытовые отходы.

Раскопки сравнительно «свежих памятников», в том числе и «мусорные проекты», начавшиеся в странах Европы и Америки и охватывающие весь мир, спорадически предпринимаются и разными энтузиастами на территории бывшего Советского Союза. Впервые они были начаты еще в 1950-е гг. в Петербурге и продолжают по сей день (Сорокин 1998:

263-268). Петербургский опыт археологического изучения «живого» города мы перенесли в Одессу и, с 1995 года, начали «одесский мусорный проект» — целенаправленные раскопки современного культурного слоя. Оказалось, что сегодняшняя Одесса значительную своей частью стоит на многометровых напластованиях собственного мусора XIX-XX вв. Одесское мусороведение — это особый исследовательский сюжет, о котором мы уже писали (Добролюбский, Губарь, Чумак 1996). Здесь лишь отметим, что в процессе наших геобрологических поисков выяснилось — в историческом центре города одесские мусорные напластования едва ли не повсеместно перекрывают не только слои античного времени, но и мощный слой турецкого предшественника Одессы — Хаджибея. Этот, турецкий, слой также состоит преимущественно из обильного мусора. Основания для его типологического изучения нам дали предварительные мусорологические штудии — археологические работы в выгребных ямах турецкого Измаила.

«Свежие» турецкие памятники.

Здесь мы хотим представить наши первые наблюдения и результаты археологического изучения Хаджибея. Поэтому начнем с попытки оконтурить проблематику в самых общих чертах. До недавнего времени все материальные остатки турецкой эпохи в Северном Причерноморье (XV-XVIII вв.) считались слишком «свежими». Турецкие города вообще не рассматривались как археологические памятники, несмотря на свою порой удовлетворительную археологическую сохранность. Авторы этих строк были в числе тех, кто начал их первые и робкие раскопки в 1989 г. — с Измаильской крепости, а затем и других городков и небольших поселков этого времени близ северного побережья Черного моря. Несколько позднее стал раскапываться Очаков. Выяснилось, что такие работы оказались новаторскими. Они приподнимают завесу над необъятным пластом историко-археологической проблематики эпохи, которая оказалась подлинным «белым пятном» в изучении истории Северного Причерноморья. Однако археологическая сторона этой проблематики практически не исследуется (Добролюбский 1998). Дело в том, что турецкие древности ранее почти не выделялись из совокупности иных древностей средневековья, им приписывалось золотоордынское, румынское, молдавское, украинское и иное происхождение. Поэтому работы по атрибуции и датировке этих древностей только начинаются. Так, почти совершенно не расчленены и путано опубликованы обширные керамические коллекции XIV-XVIII вв. из Аккермана и Ясс. Лишь раскопки Измаила дали, пожалуй, самую богатую и представительную в Северо-Западном Причерноморье коллекцию поливной керамики, курительных трубок и стеклянных бутылок — самых многочисленных категорий находок турецкой эпохи. Эту коллекцию, как самую разнообразную, можно считать эталонной, поскольку мелкие обломки такой посуды зачастую являются преобладающими находками на других турецких памятниках — небольших поселках и мелких крепостях в Северо-Западном Причерноморье.

Типология и датировки керамики XV-XVIII вв. для Северного Причерноморья почти не разработаны. Очаковские материалы опубликованы крайне скупо и невнятно (Беляева и др. 1991, 1998). Поэтому при изучении Хаджибея нам приходится опираться на опыт классификации керамики Азова (Волков 1992), а также на опыт собственных раскопок Измаила. Попробуем его кратко обобщить.

Обработка керамических комплексов турецкого Измаила (Добролюбский, Дынник 1990) дала, пожалуй, самую богатую и представительную коллекцию поливной керамики в

Северо-Западном Причерноморье — красноглиняной, высокого качества, тонкостенной, со сквозным и равномерным обжигом. Многие экземпляры этой коллекции очень индивидуальны, их декоративное и функциональное разнообразие чрезвычайно велико и заслуживает специального внимания. Пока не удается найти им прямые аналогии, хотя в ряде случаев импортное происхождение кажется очевидным. Цвет поливы бывает чаще всего зеленым, желто-коричневым, несколько реже желтым и коричневым, еще реже полива бесцветна. Основные художественные приемы: орнамент граффито и роспись ангобом; орнамент при помощи цветной подкраски, а также сочетание геометрических и растительных мотивов. Такие орнаменты характерны для большинства типов встречающейся посуды — это кумганы (сосуды «в виде чайников» для омовения, восточных аналогов биде), миски, тарелки, блюда, чаши, крышки, кувшины, светильники, подсвечники и т.п. Все эти типы встречаются в слоях XVI-XVIII вв., но выглядят и воспринимаются как единый хронологический массив. Такое же впечатление производит керамика Азова (Волков 1993) и, видимо, Очакова (Беляева и др. 1991, 1998 и др.). Очевидно, все эти коллекции пока убедительно не расчленимы на более узкие хронологические периоды в пределах XVI-XVIII вв.

Наблюдения над стратиграфией турецкого Измаила позволили выделить закрытые комплексы середины XVIII в. (Добролюбский, Дынник 1990). Преимущественно, это были отхожие места и выгребные ямы, которые хорошо отличались по характерному заполнению — тускло-зеленому гумусированному грунту. Они точно датировались монетами. Пристальное изучение таких комплексов определило методические особенности наших мусороведческих изысканий на турецких памятниках — удалось выделить наиболее распространенные вещи. Это обломки керамических кумганов, курительных трубок и стеклянных бутылок для вина. Удалось выяснить не только то, чем занимались жители Измаила близ своих отхожих мест — такие наблюдения оказались весьма продуктивными и для датировок. В частности, соотношение вещей из выгребных ям Измаила, датированных монетами, с другими датированными категориями материала — фаянсовой керамикой Изника и Кютахьи, красноглиняными курительными трубками, бутылочным стеклом, показало их хронологическую сопоставимость. Так, продукция Изника и Кютахьи в Измаиле, как и в Азове, датируется серединой XVII — XVIII вв., а курительные трубки — XVIII — началом XIX вв. (Волков, Новикова 1996). Массовая же керамика с зеленой, желтой и коричневой поливой характерна для всего турецкого времени и сама

по себе не датируется более узко. Использовать лишь ее в целях конкретной датировки пока невозможно.

Между тем, обломки именно такой посуды порой являются преобладающими находками на других турецких памятниках — небольших поселках и мелких крепостях, образующих систему турецких укреплённых пунктов в Северо-Западном Причерноморье. В последние годы они найдены археологически и локализованы в связи с имеющимися картографическими и иными сведениями. Это Хаджидер (ныне Овидиополь), Хаджибей (Одесса) и Ени-Дунья (Сычавка), Молога и др. (Добролюбский, Гизер 1994). Время их существования в 60-х — начале 90-х гг. XVIII в. надежно удостоверяется письменными источниками. Культурные слои этих памятников почти полностью уничтожены, они выявлены по подъемному материалу и спорадической шурфовке. Коллекции состоят, преимущественно, из обломков описанной поливной керамики, а также фрагментов курительных трубок, в том числе фасонов «нарцисс», «лилия», «тахта-чубук» и толстостенных стеклянных бутылок с куполообразно вогнутым дном. Если все находки трубок «тахта-чубук» могут быть однозначно отнесены ко второй половине XVIII — началу XIX вв. (Волков, Новикова 1996:140; Волков 1999:226-252), то упомянутая бутылочная тара — «куполодонная» — нами встречена только лишь в закрытых датированных комплексах — выгребных ямах — турецкого Измаила середины XVIII в., погибших в 1770 г., после взятия города корпусом генерала Репнина. Это позволяет рассматривать подобные бутылки как датирующие для середины и третьей четверти XVIII в.

Приведенные хронологические наблюдения позволяют переносить их и на поливную керамику. Видимо, этим создается возможность выделения в ней типов, характерных лишь для второй половины XVIII в. Повсеместное и обильное распространение такой керамики на всех турецких памятниках этого времени позволяет видеть — именно в этот, заключительный, период турецкого господства в Причерноморье, ее производство было наиболее массовым и разно-

образным. Надо полагать, дальнейшее накопление и обработка коллекций с подобных памятников позволит установить узко датирующие типы и внутри этой категории материала.

Известно, что турецкие крепости к востоку от Очакова (Хаджибей, Ени-Дунья и Хаджидер) окончательно прекращают свое существование с 1789 г., после захвата их русскими войсками. Измаил был взят в конце 1790 г. С этого же времени повсеместно прекращается и распространение турецкой поливной керамики и упомянутых «куполодонных бутылок». Лишь курительные трубки типа «тахта-чубук» сохраняются в обиходе нового населения Северо-Западного Причерноморья вплоть до конца первой четверти XIX в. Эти трубки встречаются в слое турецкого Измаила 1791-1812 гг., но уже без поливной керамики и «куполодонных бутылок».

Можно заключить, что первичные типологические основания для хронологического распределения древностей внутри турецкой эпохи уже имеются. Дальнейшие усилия по выделению разных типов турецкой поливной посуды и их синхронизации с иными, более узко датированными категориями материалов на новых памятниках, кажутся очень перспективными и многообещающими.

К числу таких памятников относится и Хаджибей — турецкая крепость и поселок, известные на месте нынешней Одессы вплоть до ее основания в 1794 г. Естественно, ранее он также археологически не изучался, поскольку раскопки в Одессе не проводились. Между тем, именно Хаджибей давно занимает в истории Северного Причерноморья особое место — как непосредственный предшественник Одессы. Его «знаковый» исторический смысл в культурно-патриотическом сознании одесситов очень велик. Он усиливается и тем, что Хаджибейский замок взял героическим штурмом сводный отряд российских войск под командованием Иосифа де-Рибаса — впоследствии основателя самой Одессы. Поэтому сюжеты, связанные с историей Хаджибея, привлекали и продолжают привлекать повышенное внимание историков и литераторов, преимущественно одесских.

Изначальный Хаджибей в документах и легендах

Патриотический пафос в изучении Хаджибея был задан первым историком Одессы А.Скальковским еще более полутора веков тому. На этой же ниве потрудились и почти все видные одесские историки XIX в. — Н.Мурзакевич, Ф.Брун, А.Маркевич, В.Яковлев и др. (см. об этом: Скальковский 1889). Пик публикаций по этому вопросу пришелся на 1890-е годы и был прямо связан со 100-летним юбилеем основания Одессы. К началу XX в. совместными усилиями историков Одессы сложился своеобразный «миф о Хаджибее», который затем вполне органи-

чно вошел в систему «одесской мифологии» (см. об этом: Атлас 1992). Одной из основных идей этого, как и любого мифа, было стремление к максимальному удревнению Хаджибея, а также, по возможности, к утверждению его былого величия и значения — как непосредственного предшественника Одессы.

Действительно, имеются туманные источниковедческие основания относить время возникновения поселка на месте нынешней Одессы ко второй половине XIV в. Историки связывают его с именем «татарского» бека Хаджи, или

Хаджибея (Качибей), поскольку тогда причерноморские степи были заняты кочевьями трех крупных орд: Крымской, Перекопской и Джамбулакской. В середине XIV в. предводителей этих орд — беков Кутулбугу, Хаджибея и Дмитрия — «Повесть о Подолье» именует «отчичами и дедичами» Подольской земли. Однако в битве при Синих Водах в 1362 г. литовскому князю Ольгерду удалось разгромить отряды этих беков. Один из них, Хаджибей, то ли погиб в этой битве, то ли откочевал со своими улусами к черноморскому побережью. Предположительно, это был район нынешней Одессы. И сейчас один из одесских лиманов именуется «Хаджибейским». Принято считать, что именно тогда здесь и возник первый поселок Хаджибей, названный так в честь его «основателя» (Брун 1879, и др.).

Последующие сведения о Хаджибее столь же туманны и полуполюгендарны. Первое конкретное упоминание о Хаджибее принадлежит польскому историку Яну Длугошу, который в конце XV века сообщает, что в 1415 г. польский король Владислав, пребывая в «святом сочувствии» к послам патриарха и греческого императора», жаловавшихся на жестокие нападения турок, «щедро дарит необходимое количество зерна, которое им необходимо получить в королевском порту Качибей» (Гончарук 2000:5-8).

Это сообщение считается первым документальным источником о Хаджибее, хотя и содержится лишь в труде Длугоша «История Польши» и неясно, на каких документах основано. Сообщение Длугоша тем более сомнительно, что он не был современником описываемого им события, и как раз родился в том самом 1415 г. Еще менее определены другие свидетельства. Надо заметить, что никто из «очевидцев» до начала XVIII в. «живого» Хаджибея не видел. Ни на одной из известных морских карт XIV-XV вв. Хаджибей не отмечен, а в окрестностях нынешней Одессы приводится в разных написаниях одно и то же наименование «Джинестра», связываемого с именем якорной стоянки генуэзцев. Другие сведения не столь уж многочисленны, их легко привести. И обнаружить, что «очевидцы» здесь либо вообще ничего не видели, либо видели какие-то развалины на морском побережье в разных местах от Днестра до Тилигула.

В 1421 г. бургундский рыцарь Жильбер де Ланнуа (современник даты 1415 г., приводимой Длугошем) при описании черноморского побережья по пути из Монкастро (Аккерман) до Днестра не видит здесь ничего.

Более чем через полтора столетия, в 1578 г., другой очевидец, Мартин Броневский, видит развалины в устье Днестра: «Качибеево городище, как будто обрушившаяся земля, омываемое широким озером, находящимся возле моря и при устье Днестра».

Следующий известный нам очевидец — турецкий путешественник Эвлия Челеби. В 1656 г.

он описывает развалины примерно такого же качества, но на морском берегу, расположенные «в 15 часах от устья Барабоья и в 14 часах от устья Тилигула».

Лишь в 1709 г. шведский генерал Адлерфельд, один из спутников Карла XII и Мазепы, бежавших из-под Полтавы, упоминает в своих «Записках...» «ничтожную татарскую деревушку» где-то в районе устьев нынешних Хаджибея и Куяльника (см. об этом: Добролюбский 1994: 7).

Ничего более внятного о Хаджибее мы не знаем — вплоть до 1765 г., когда турки начали строить «Гаджибейский замок» в районе нынешнего Приморского бульвара. Сведения его не слишком долгой истории — до осени 1789 г. — куда более обстоятельны и известны, они едва ли не исчерпывающе обобщены С.Боровым (Боровой 1968). Отметим лишь, что Гаджибейский замок был захвачен русскими войсками в 1774 г., возвращен Турции и окончательно взят, как всем давно известно, в 1789 г. отрядом де-Рибаса.

Кажется очевидным, что внятных документальных свидетельств о Хаджибее до 1765 г. не имеется, хотя и можно думать, что какой-то поселок или пристань здесь все же периодически существовали с конца XIV в. На протяжении всего XX в. это не подвергалось особым сомнениям и дискуссиям: советских историков этот вопрос мало занимал. Считалось, что с XV в. украинско-литовский «Качибей, как и другие поселения на Черноморском побережье, стал добычей татаро-турецких захватчиков и надолго потерял всякое значение». При этом заслуга взятия Хаджибея и основания Одессы были приписаны А.В.Суворову («Одесса» 1957: 11, 17-18).

С начала 1990-х гг. изначально украинская древность Хаджибея стала активно популяризироваться в связи с новой и конкретной национальной задачей — превратить Хаджибей-Одессу в исконно украинский город Коцюбиев. Его основателем провозглашен шляхтич Коцюба-Якушинский, переселившийся сюда своих крестьян из местечка Якушина на Южном Буге. Здесь он построил город и порт, который стал именоваться в его честь и превратился в морские ворота Литовской державы. Уже с начала XV в. здесь «існували корабельні стоянки, митниця, маяк, тобто всі атрибути портового міста», которое «не припинило свого існування у турецький період історії» (Болдирев 1994 и др.). Лишь его название оказалось впоследствии отуреченным, город непрерывно существует под разными именами — Хаджибей, Гаджибей, Аджибей и др.

Такое превращение приходится осуществлять на прежней, весьма скудной, источниковедческой базе. Поэтому новая концепция исходит из прямой подтасовки. Владелец села Якушина под Винницей Борис Коцюба действительно существовал, но только жил он не в XIV, а в середине XVI в. И прославился лишь тем, что руководил постройкой огады Винницкого

замка, что зафиксировано в ревизии замков Волынской земли в 1545 г. Более о нем неизвестно ничего. А всю историю с Коцюбиевым и его украинскими переселенцами придумал еще в XIX в. польский историк Мариан Дубецкой. Сейчас она понадобилась создателям нового мифа о Хаджибее-Коцюбиеве.

Не вдаваясь здесь в детали очередного историковедческого жульничества, отметим лишь, что при отсутствии внятных археологических сведений, любые «научные» аргументы о продолжительности исторического существования Хаджибея, а также о его точном местона-

хождении, остаются не очевидными. Иными словами, все знают, что Хаджибей находился где-то на месте Одессы, но никто не знает, где именно. А также — как долго.

Известно лишь, что с 1764 г., на месте поселка Хаджибей турки начинают строительство новой крепости — Ени-Дунья (Новый Свет). Эта крепость уверенно отождествляется всеми последующими историками с тем самым Хаджибейским замком, который захватил четверть века спустя адмирал де-Рибас. И локализуется на месте нынешнего Приморского бульвара. Насколько оправдана такая уверенность?

В поисках исчезнувшей Ени-Дуньи

Основным прямым источником, указывающим на такое местоположение Ени-Дуньи и ее отождествление с Хаджибеем, является сообщение об этом войскового толмача Константина Иванова. Летом 1764 г. Иванов, посланный из Запорожья с дипломатическим поручением к Крымскому хану, доносит своему начальству, что «в 50 верстах от Очакова, при море, по направлению к Белгороду, делается крепость, кое наименование Ени-Дунья, т.е. Новый Свет, прежде же там было село и именовалось Куджабей. Она же крепость зачалась делаться сего года с весны, а делают ту крепость волохи, на которую возят камень из степи, с речек и балок околочных». Это известие было воспроизведено в 1840 г. А.Скальковским в «Истории Новой Сечи», и с его легкой руки «прописалось» в краеведческой литературе.

Между тем, никакими другими свидетельствами 1760-80 гг. такое отождествление Ени-Дуньи с Хаджибеем не подтверждается. Напротив, эта крепость в дальнейшем именуется только лишь Хаджибеем. Уже в следующем датированном источнике — «Плане... турецкого города Гаджибея», составленном поручиком Исленьевым в мае 1766 г. о Ени-Дунье речи нет. И казацкие походы в 1769 и 1770 гг. были направлены, в частности, на Хаджибей. Во время заключения Кючук-Кайнарджийского мира летом 1774 г. «Гаджибейский замок» был взят русскими войсками, а затем возвращен Турции. В 1789 г. под Хаджибей ходили черноморские казаки Чепеги, отряд де-Рибаса брал именно Хаджибейскую крепость.

Название «Ени-Дунья», таким образом, исчезает из сообщений о Хаджибейском замке едва ли не с начала его строительства. Известно лишь сообщение запорожского кошевого, что летом 1774 г. Ени-Дунья была взята русскими (Брун 1879:187), но не указывается, где она находилась. Зато имеется источник иного рода о Ени-Дунье — это карта черноморского побережья, которая была составлена Риччи Заннони в 1772 г. На ней Ени-Дунья (Ieni-duni) помещена к западу от устья Тилигульского лимана, а не на месте Хаджибея. Сомнений у историков первой

половины XIX в. это не вызывало. Напротив, в 1856 г. Ф.Брун писал, что «между Березанским и Тилигульским лиманами были турецкие крепости Возия и Гассан-кале, последняя близ деревни Аджиатки (ныне Рыбаковка, у мыса Аджиатск). К западу от нее при Тилигуле была Возия, а на другой стороне Тилигула — третья крепость Иенидунья» (Брун 1856).

Однако со временем Ф.Брун изменил свое мнение. В статье «Судьбы местности, занимаемой Одессой» он уже отрицает возможность расположения Ени-Дуньи у Тилигула, «ибо тогда она находилась бы в 25 тогдашних верст от Очакова, а не в 50, тогда как таково именно расстояние между этой крепостью и Гаджибеем — нужно только бросить взгляд на карту Риччи, чтобы убедиться в том, что он, помещая Ени-Дуню при Тилигуле, скорее мог ошибиться, нежели Иванов» (Брун 1879).

Эти доводы Ф.Бруна с тех пор не подвергались ни сомнению, ни обсуждению. Поэтому авторы этих строк сделали попытку проверить сведения Риччи Заннони археологически и провели специальное археологическое обследование и шурфовку местности, где, согласно его карте, должна была находиться Ени-Дунья. Даже странно, что никто ранее не удосужился это сделать. Действительно, прямо на мысу, образуемом западным берегом долины Тилигула и обрывом к морю, обнаружилось небольшое поселение турецкого времени. Со стороны степи мыс поперечно огражден сильно оплывшим земляным валом. В центральной его части культурный слой достигал мощности 1 м. Он образован преимущественно оплывшими стенами строений из необожженной глины, которые возводились на фундаментах из каменного бута, засыпанного в предварительно вырытые траншеи. На поверхности во множестве найдены обработанные известняковые плиты и фрагменты турецкой керамики, стеклянных «куполодонных» бутылок и железных изделий. По аналогии с материалами мусорников (закрытых комплексов) Измаила, сформировавшихся в середине XVIII в. и погибших в 1770-х гг., наш памятник может датироваться

именно этим временем — третьей четвертью XVIII в. Площадь распространения находок — приблизительно 100x150 м (Добролюбский, Гизер 1994).

Именно это место обозначено Риччи Занони как *Ieni-duni*. В таком случае, совпадение времени существования памятника с датой составления карты (1772 г.) позволяет уверенно зафиксировать наличие здесь в третьей четверти XVIII в. турецкого укрепленного пункта. Это означает, что картограф не ошибся.¹

По археологическим остаткам характер памятника устанавливается достаточно определенно — это было укрепление для караула или пограничной заставы. Очевидно, это была охрана и служба при маяке у входа в Тилигульский лиман, бывший тогда еще судоходным. Не менее очевидно, что местечко Возия, «напротив Ени-Дуньи», выполняло те же функции на противоположном берегу. Вероятно, оба поселка погибли в ходе военных действий русско-турецкой кампании 1789-91 гг.

Надо полагать, что упомянутые выше возражения Ф.Бруна были вызваны его измерениями расстояний на запад от Очакова по морскому побережью. В таком случае Ени-Дунья действительно должна оказаться на месте Хаджи-

бея. Если же учесть, что при сухопутном передвижении из Очакова на запад было необходимо обходить с севера Березанский и Тилигульский лиманы, то путь неминуемо увеличивается вдвое. Похоже, что именно это обстоятельство и имел в виду толмач Иванов, указывая расстояние от Очакова до Ени-Дуньи в 50 верст.

Таким образом, налицо совпадение датированных письменных и археологических сведений. Становится очевидным, что последующее отождествление крепости Хаджибей с Ени-Дуньей связано с историографическим недоразумением. Сюжет с исчезнувшей Ени-Дуньей лишь наглядно показывает, как невнимание к турецкому археологическому мусору создает завалы другого «мусора» — историографического.²

Эти же поиски позволяют, наконец, противоречиво локализовать турецкие военные укрепления вдоль морского побережья между Южным Бугом и Днестром перед окончательной утратой Турцией этих территорий — «Очаковской области» — по Ясскому миру 1791 г. Это: Очаков, Гасан-кале (Рыбаковка), Возия (восточный берег Тилигула), Ени-Дунья (западный берег Тилигула), Хаджибей (Одесса), Хаджидер (Овидиополь).

Остатки Хаджибея в свидетельствах «очевидцев»

Возвращаясь к истории самого «Гаджибейского замка» в 1765-89 гг., сразу заметим, что литературы о его возможном местонахождении немало. Большинство авторов локализуют его в районе Воронцовского дворца. Но документов о его точном топографическом размещении не сохранилось. Поэтому историки Одессы XIX в. привязывали его к местности по-разному. На «Плане штурма Хаджибея» (не ясно, когда составленном) А.Н.Петров размещает замок в центре нынешнего Приморского бульвара, на месте памятника Дюку (Петров 1880:76). Попытки археологически обнаружить остатки замка не предпринимались: видимо, никто не видел в этом особого смысла. И вот еще почему.

Как уже говорилось, во время очередной русско-турецкой войны 1787-1791 гг. Хаджибейский замок был взят Иосифом де-Рибасом в ночь с 13 на 14 сентября 1789 г. Менее, чем через два месяца после штурма, 10 ноября, Г.А.Потемкин пишет о своем распоряжении уничтожить замок для того, чтобы «затем... иметь счастье представлять о месте... для укрепления, которое соорудится из тех самых камней, что остались в развалинах Гаджибея». Эти развалины стояли, видимо, до конца войны 1791 г., а уже в 1793 г. были разобраны для строительства «Ад-

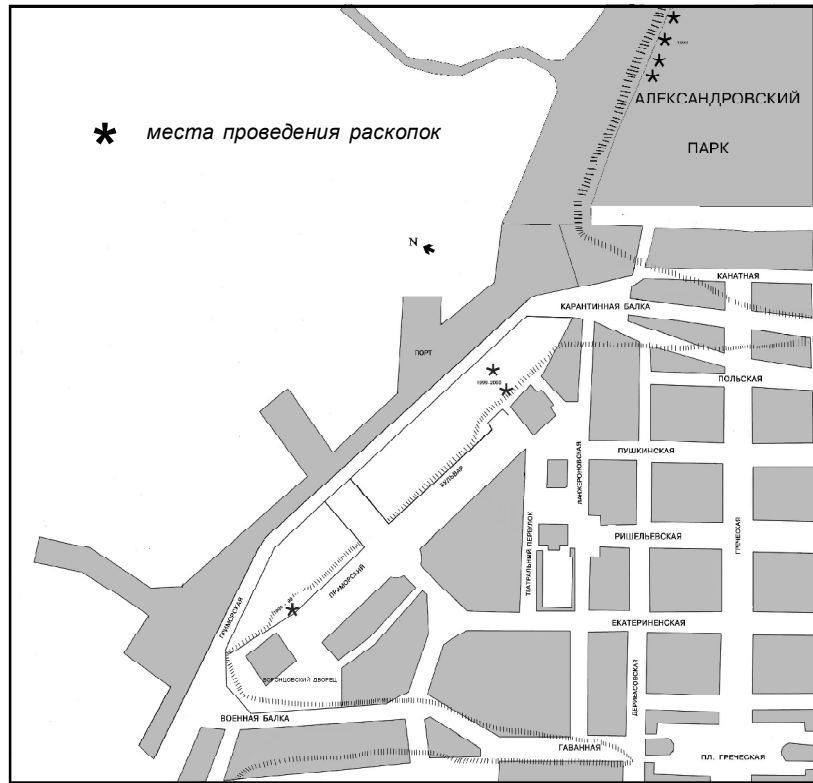
миралтейского жете, или Малой крепости» примерно на этом же месте. Поэтому новая, Малая, крепость оказалась и на первом «Плане города Гаджибея», составленном «главным строителем Одессы» Францем Деволаном зимой-весной 1794 г. Совершенно ясно, что уже тогда никаких внешних следов былого существования Гаджибейского замка оставаться не могло. Их, естественно, и не существовало к моменту основания Одессы в августе 1794 г. (Добролюбский 1998а: 76-79).

Историки Одессы первой половины XIX в. не имели поэтому никаких сведений о точном расположении крепости, кроме «рассказов очевидцев» и «старожиллов» (Смольянинов 1853: 13-15). Им не были известны и какие-либо документы об этом, кроме двух инженерных планов. Одним из них является чертеж и рисунок замка *Chateau de Codja-bey*, составленный в 1784 г. французским инженером на турецкой службе Лафиттом-Клаве. Этот план, выполненный без точной привязки к местности, впервые опубликован Н.Мурзакевичем в статье «Гаджибейский замок» в 1867 г. Другой план, более обстоятельный — «рисунок с профилем» — был составлен в 1789 г. русским инженером

¹ Авторы признательны доктору геолого-минералогических наук, профессору Ф.Н.Лисецкому за обстоятельные консультации и большую помощь в обнаружении и исследовании памятника.

² Увы, историографический «мусор» продолжает накапливаться — отрицается сам факт археологического существования Ени-Дуньи у Тилигула, а плану И.Исленьева приписываются сведения о Ени-Дунье в Хаджибейской бухте (Сапожников, Сапожникова 1998:19-20).

Рис. 1. План расположения раскопок на территории центральной части Одессы.

Фрейганом. Планом Фрейгана, как будто, пользовался Г.А.Потемкин перед тем, как распорядился уничтожить замок. Оба плана практически совпадают, разнятся лишь в мелких деталях. Они, несомненно, были ранее известны А.Скальковскому, который еще в 1837 г. разместил Гаджибейский замок примерно в районе Воронцовского дворца. Очевидно, более точная привязка к местности для А.Скальковского была невозможной, как не была она возможной и позднее, для К.Смолянинова, также ограничившегося в этом вопросе «рассказами очевидцев». Заметим, впрочем, что вряд ли таких очевидцев могло быть достаточно много к середине XIX в., если учесть, что все «гражданское» население Гаджибея в 1794 г., когда от развалин Гаджибейского замка и следа не

оставалось, составляло лишь 28 «душ» (Добролюбовский 1994: 142-144).

Между тем, именно сообщения подобных «очевидцев» служили единственным источником для точной локализации замка. Поэтому К.Смолянинов размещает его «на том самом месте, где теперь дома г. Строганова и Маразли» (дома №1,2 на Приморском бульваре), а Н.Мурзакевич честно ссылается на «древнее предание», согласно которому «замок стоял там, где теперь дом Одесских присутственных мест», т.е. также на бульваре, но там, где дом №7.

Видимо, в последующие два десятилетия, этот вопрос мало будоражил одесскую общественность. Однако, в связи со 100-летним юбилеем штурма Гаджибея, он приобрел мемориальный характер. Так, на заседании Городской

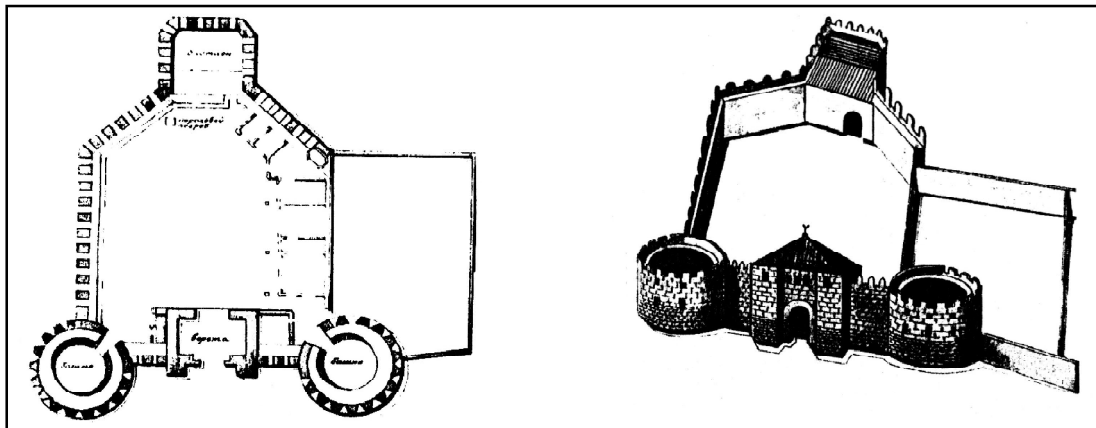

Рис. 2. Чертеж и рисунок крепости, составленные в 1789 г. инженером Фрейганом.

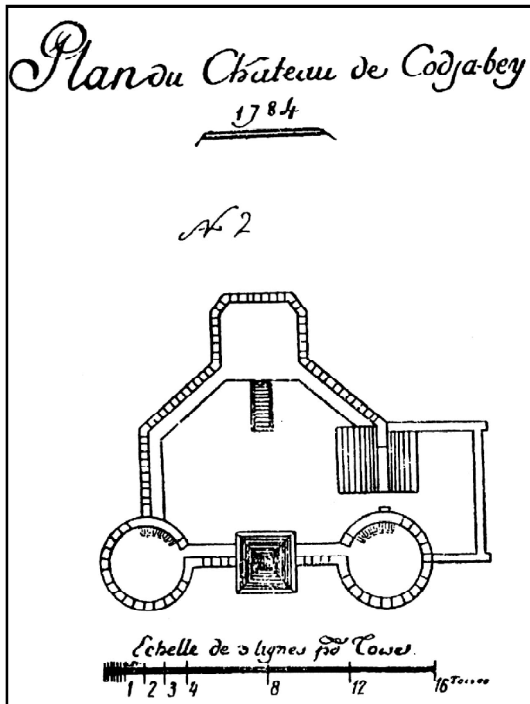

Рис. 3. Рисунок замка *Chateau de Codja-beu*, составленный в 1784 г. французским инженером на турецкой службе Лафиттом-Клаве

Думы 28 июня 1889 г. было принято решение, по которому «на месте, где происходило решительное сражение при взятии крепости (конец Николаевского бульвара, около дома графа Строганова) поставить памятник в ознаменование столетия взятия Хаджибея».

Мемориальные же соображения, связанные со 100-летием Одессы, надо полагать,

Хаджибейский замок в археологических остатках

Снова подчеркиваем, что сколько-нибудь удовлетворительное решение вопроса о локализации Хаджибейского замка невозможно без обнаружения его археологических остатков. Именно их нам (экспедиции Южноукраинского педагогического университета) и удалось найти близ нынешнего Воронцовского дворца, в северо-западной части Приморского бульвара, в 1997-1998 гг.

Найдены они случайно, при вскрытии слоя античного времени VI-V вв. до н.э. (Добролюбский 1999: 249-250). На глубине от полутора до двух метров были обнаружены впущенные в этот слой остатки каменного сооружения. В сохранившемся виде они представляли собой кладку длиной около 3 м, сильно потревоженную в верхней части, и в плане выглядевшую как сегмент окружности диаметром приблизительно 5 м. Кладка представляла собой юго-восточную часть этой окружности. Она сложена из пиленых, клиновидных камней ракушечника, тщательно подогнанных друг к другу и выложенных

побудили А.Маркевича в 1894 г. снова рассмотреть этот вопрос. Очевидно, он понимал, что источниковедческая точность и добротность «преданий» и рассказов старожилов со временем не увеличивается. Ему пришлось еще более расширить территориальную вероятность расположения Гаджибейского замка — между Приморским бульваром, Екатерининской площадью и Воронцовским переулком. Впрочем, вслед за К.Смольяниновым, он считал наиболее возможным размещение крепости на месте тех же домов №1 и 2 по Приморскому бульвару.

После этого, вплоть до конца 1960-х гг., этот вопрос снова никого не занимал. Лишь в 1967 г. С.Я.Боровой издал найденный им вместе с Ф.Е.-Петрунем «План специально новопостроенного на берегу Черного моря турецкого города Гаджибея», который был составлен поручиком Черного гусарского полка Иваном Исленьевым в 1766 г. (Боровой 1967:130-136). Это — единственный подлинный план размещения крепости, не искаженный последующими «преданиями». И на нем крепость расположена непосредственно у обрывов Военного спуска и левой половины Приморского бульвара.

С.Я.Боровой, издатель рисунка Исленьева, указывает на многие несоответствия планов Исленьева и Лафитта-Клаве. Бросающаяся в глаза непрофессиональность этого рисунка заставляет В.А.Чарнецкого усомниться в том, что его составлял умелый картограф (Чарнецкий 1994: 4). Замок по-прежнему локализуется не слишком точно — где-то «на левой половине Приморского бульвара между обрывом, Воронцовским переулком и дворцом Воронцова»

сухающей частью вовнутрь. Ее внешняя сторона выглядит небрежно, в отличие от внутренней, где поверхность каждого камня подтесана под одну линию. Почти на всех камнях присутствуют следы цементного раствора. Конструкция северной оконечности кладки представляла собой часть порога, сооруженного над специальным «пяточным камнем» — прямоугольной плитой, обработанной в нижней части как вытянутый цилиндр. В центре плиты имелось квадратное углубление, служившем основанием для дверной оси. Порог указывал на место входа в округлое помещение, большая часть которого давно оползла в обрыв.

К северо-западу от входа удалось обнаружить остатки каменной забутовки под фундамент прямой стены, а также примыкавший к ней с внутренней стороны узкий ров с остатками деревянных бревен и плах. В заполнении описанной кладки и вокруг нее найдена поливная и простая гончарная керамика, кованые квадратные гвозди, черепица и несколько кир-

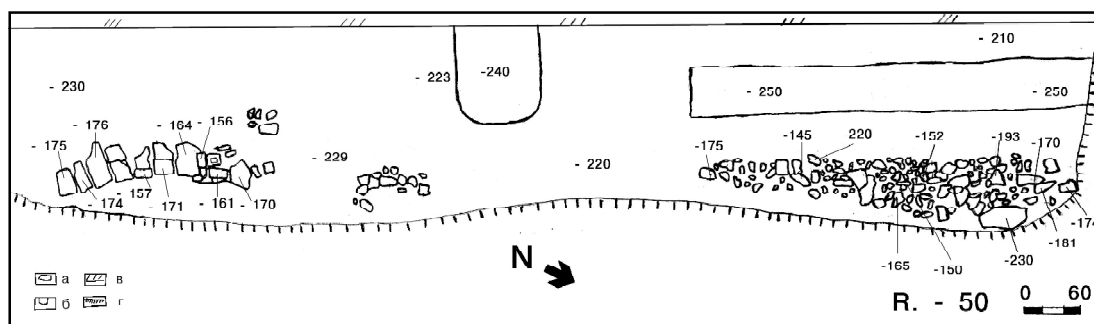

Рис. 4. План археологических остатков замка.
Условные обозначения: а) камни; б) ямы; в) борт раскопа; г) линия обрыва.

пичей. При зачистке поверхности входа в бастион, где, согласно рапорту де-Рибаса, прятался в момент штурма двухбунчукный Ахмет-паша со своим гаремом, была найдена фрагментированная железная пряжка с крючком от поясного солдатского (офицерского?) ремня. Эта находка может свидетельствовать, что в момент захвата гарема участники штурма были возбуждены не только сражением.

Здесь же найдены две красноглиняные курительные трубки типа «тахта-чубук» (рис. 12: 4,5) с клеймами стамбульских мастеров. На одном клейме читается слово «нишан» («штамп», «клеймо»), весьма распространенное на таких трубках. Это говорит о том, что они

привезены из Стамбула и датируются второй половиной XVIII в. (Волков, Новикова 1996:140; Волков 1999).

В шурфе в предматериковой части, выявлено и зачищено несколько небольших турецких мусорных ям. Найдены, преимущественно, стенки, донья, венчики мисок и горшков, покрытых традиционной ярко-зеленой или коричневой поливкой. На некоторых из них имеется растительный или геометрический орнамент. Из кувшинов наиболее выразительным является фрагмент горловины сосуда с уплощенной ручкой (рис. 8: 25). Его внутренняя поверхность и венчик с наружной стороны залиты темно-коричневой поливкой. На плечико нанесены не-

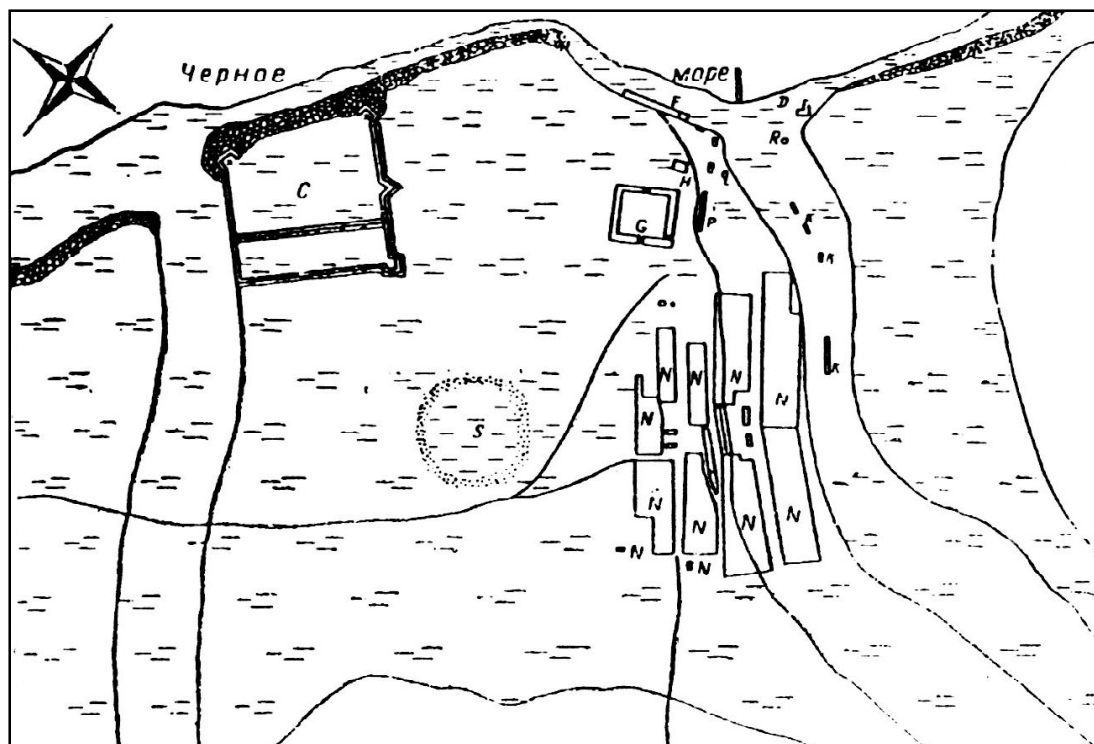

Рис. 5. «План специально новопостроенного на берегу Черного моря турецкого города Гаджибея» Ивана Исленьва.

В — батареи; С — ретраншемент старой соединенной к батарее; D — дом нынешнего командира над городом; E — магазин; F — хлебопечарня; гостинный двор; H — мечеть; I — свайная пристань; K — неизвестные строения с припасами; N — строения для куечиров, янычар и христиан волохов, построенное на выезде; O — «место, куда забираются старшины в торговые дни»; P — казенные лавки для купцов; Q — дом янычарского бая; R — колодец; S — развалины старинного замка города Кочубея.

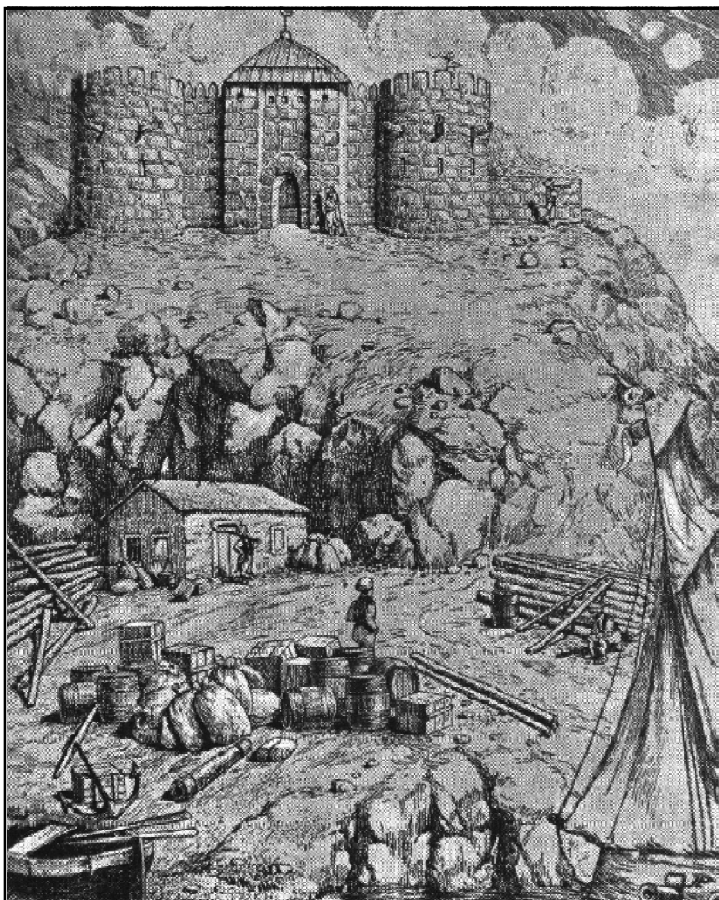

Рис. 6. Вид замка Хаджибей с моря. Гравюра кон. XVIII в.

сколько поясков горизонтальных бороздок, оставленных гребенчатым штампом. Из простой гончарной посуды выделим нижнюю часть палы, венчик бело-глиняного сосуда с выступом на внешней стороне (рис.8: 22).

Массовыми являются находки фрагментов винных бутылок с вогнутым дном — «куполодонные», достаточно определенно датирующиеся 1770 -1790-ми гг. Как уже говорилось, наши датировки основаны на сопоставлении керамической коллекции Хаджибея с закрытыми комплексами турецкого Измаила XVIII в. и с такой же посудой из турецкого Аккермана (Добролюбский 1998:93). Эти датировки соответствуют времени существования Хаджибейского замка, построенного в 1765 г. (не в 1764 г., — дата уточнена С.Я.Боровым) и разрушенного по приказу Потемкина в ноябре 1789 г.

Среди находок обращает на себя внимание фрагмент стенки с волнообразным гребенчатым орнаментом (рис. 8: 1). Тесто без особых включений, светло-коричневого цвета с оранжевым оттенком. Это фрагмент сосуда так называемой «красно-желто-ленточной» керамики. Кроме того, отметим находку массивной ручки красноглиняного сосуда (рис. 12: 1). В месте ее прикрепления к прямой, в профиле, стенке, оставшаяся глина не разглажена, а сформована в валики у краев прилепа. Сосуд покрыт светлым ангобом. На поверхности сле-

ды от заглаживания инструментом. Такая посуда датируется рубежом XIII — XIV в. (до 60-х гг. XIV в.) и известна на средневековых памятниках Молдовы и в Белгороде (Бырня 1984; Кравченко 1986: 49 и др.).⁴ Это позволяет полагать, что уже тогда здесь действительно находилось небольшое поселение, культурные напластования которого, видимо, были уничтожены в ходе строительства Хаджибейского замка. Таким образом, археологически подтвержден сам факт существования здесь какого-то поселка во второй половине XIV в., возможно, того самого, который основал «татарский» бек Хаджибей после своего поражения от литовского князя Ольгерда под Синими Водами в 1362 году. Не исключено, что это и есть тот самый приморский пункт, который на итальянских румбовых (компасных) картах XIV-XV вв. именуется Джинестрой.

Зачищенные строительные остатки увязываются с известными планами Лафитта-Клаве и Фрейгана. Так, открытая часть кладки, как можно видеть, представляет собой юго-западный сегмент фундамента правого (по геральдическому принципу описания) бастиона. Пяточный камень ясно маркирует вход в башню

⁴ Выражаем глубокую благодарность П.П.Бырне, А.П.Городенко и Н.Д.Руссеву за консультации в датировках и атрибуции керамики Хаджибея.

Рис. 7. Сегмент правого бастиона замка

со стороны крепостного двора. Совпадает с планом и археологически реконструируемый диаметр фундамента бастиона. Это позволяет уверенно говорить о том, что планы были составлены Лафиттом-Клаве и Фрейганом достаточно точно. Такую уверенность дополняют и сохранившиеся в вертикальном разрезе раскопа следы рва от фундамента примыкавшей к бастиону крепостной стены. Археологически очевидно, что камни из этого рва были полностью выбраны в свое время, видимо, после распоряжения Г.А.Потемкина о разрушении крепости. Также подтверждаются и более чем скромные размеры замка, равно, как и материал, из которого он был построен — известняк «из степи с речек и балок околочных». Таким образом, нет сомнений, что нами обнаружены фундаменты именно Хаджибейского замка.

А коль это так, то подтверждается и достоверность известного рисунка, на котором крепость Хаджибей изображена прямо на краю обрыва и непосредственно примыкает к Военной балке (последняя публикация: Гончарук 2000: 364). Этому рисунку ранее не придавалось существенного источниковедческого значения: предполагалось, что он исполнен задним числом, лишь с использованием планов Лафитта-Клаве и Фрейгана, а потому приближен к обрыву Военного спуска произвольно. Наша находка позволяет утверждать, что рисунок верен, исполнялся, видимо, с натуры. Да и само фортификационное расположение небольшой «крепостцы» представляется вполне целесообразным.

Таким образом, единственным серьезным основанием для того, чтобы отодвинуть «крепостцу» на «сто сажень» от Военного спуска (как это сделал А.Скальковский), остается выдержка из рапорта Г.А. Потемкина: «на левой стороне полковник Хвостов, под картечными выстрелами... перейдя овраг, когда уже приблизился на сто сажень от стены замка... после-

шил, не ожидая правого фланга, поставить первую лестницу». Эти сведения, заимствованные из рапорта де-Рибаса, в деталях не столь уж вразумительны — ведь нет указаний, где именно был перейден Военный овраг. Но полковник Хвостов характеризуется де-Рибасом как «храбрый и расторопный офицер». И ему, как человеку, обладавшему такими качествами, было ясно, что если вести наступление со стороны степи, то Хаджибейский замок сам защищал нападавших от огня своего собственного, турецкого же флота. Поэтому переходить овраг следовало подальше от моря и от турецкого флота, дабы напрасно не подставлять штурмующих под его шквальный огонь. Артиллерия крепости со стороны степи представляла собой куда меньшую опасность. Видимо, упомянутые «сто сажень», или 215 метров, полковник Хвостов со своими солдатами пробежали со стороны нынешнего Сабанеева моста.

Итак, археологическое обнаружение Хаджибея произошло в ожидаемом месте. Куда менее ожидаемым был сам факт сохранности остатков фундамента бастиона. Думается, они целели случайно, из-за небрежности, а скорее ленности разбиравших крепость солдат. Эти скудные остатки фундамента бастиона они могли и просто не заметить — ведь и при раскопках мы тоже не сразу разобрались, что это такое. Однако, разобравшись, сегодня мы благодарны тем, кто в свое время небрежно исполнил приказ Потемкина. Это позволяет два столетия спустя действительно подвести итоги дискуссии о местоположении Хаджибейского замка.

Обнаружение остатков Хаджибея доказывает, что замок располагался едва ли не точно на месте нынешнего Воронцовского дворца. Упомянутая достоверность планов Лафитта-Клаве и Фрейгана позволяет с высокой степенью точности привязать замок к нынешнему Приморскому бульвару. Это соответствует расположению крепости на плане Исленьева, ко-

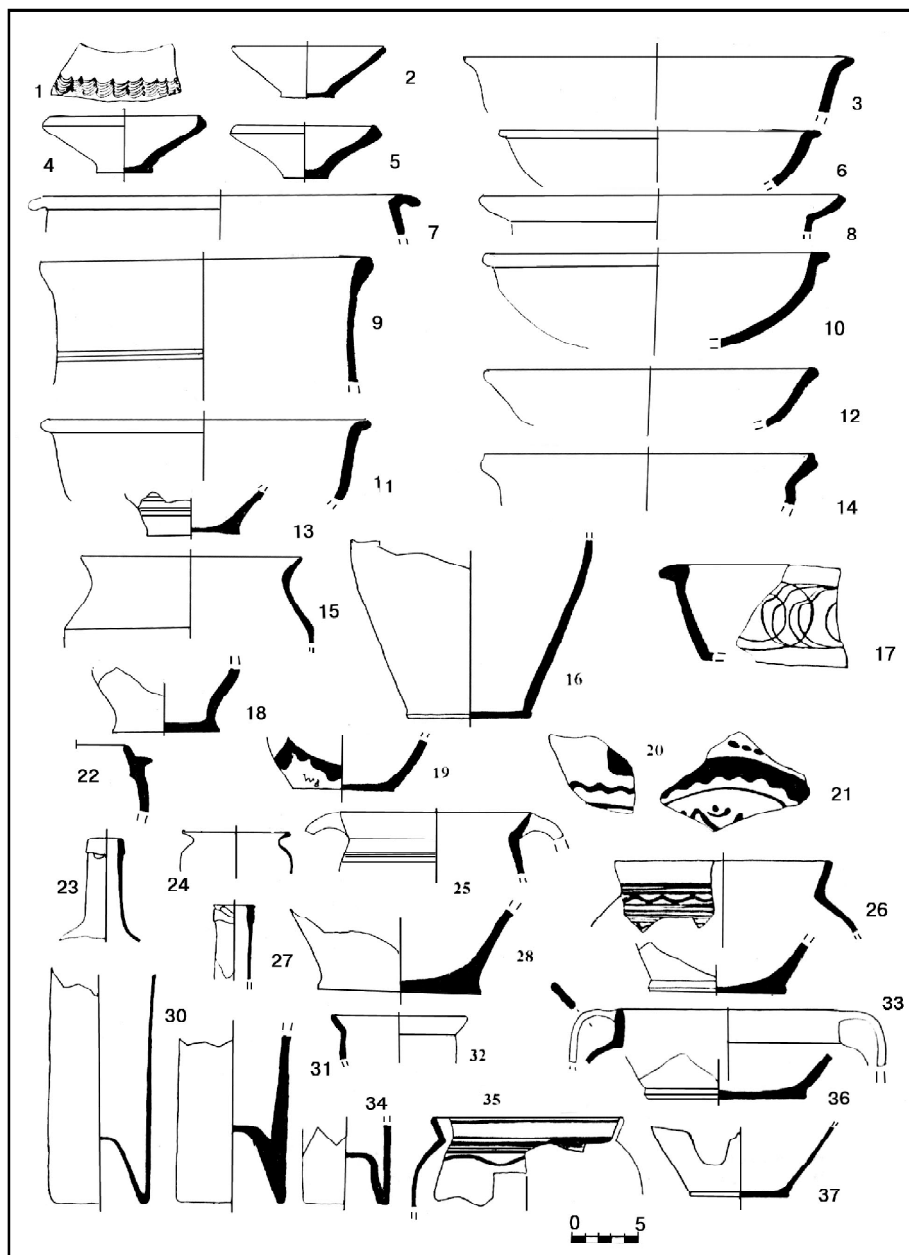

Рис. 8. Керамика и стеклянная посуда из раскопок Хаджибея.

торый отметил, по мнению С.Я.Борового, лишь место ее строительства (или перестройки?) (Боровой 1967:132-136). Поэтому нам остается лишь увязать все упомянутые планы. Полу-

чается, что фасад замка был вытянут вдоль берега моря от места нашей находки в сторону Военного спуска не более чем на 20-25 м, как это и следует из всех приведенных сведений.

Хаджибейский поселок в археологических остатках

«План крепости Гаджибей 1766 г.» Ивана Исленьева — единственный «градостроительный» документ, который мог нами использоваться для дальнейших археологических исследований Хаджибея. Другие для того времени просто не известны. Можно видеть, что на этом плане большинство строений поселка, примыкавшего к крепости, обозначено в устье Карантинной балки и частично на плато между нею и Военной балкой. Ныне это — район Польского и Ланжероновского спусков, Таможенной площа-

ди, а также территория, на которой находятся здания Археологического, Литературного музеев и Городской Думы. Если рассматривать план Исленьева археологически, то очевидно: поселок XVIII в. сейчас «погребен» под сплошной городской застройкой. Поэтому его археологический поиск весьма затруднен. Но заманчив.

Поэтому, в 1999-2000 нами были заложены шурфы у здания Горсовета (Городской Думы), в противоположной от Воронцовского дворца части бульвара: на склоне Карантинной балки, а

также в парке им. Шевченко, — юго-восточный берег той же балки. Также проведены разведки в ее устье. Перечислим и опишем их по порядку.

Для шурфовки нами был избран свободный от современной застройки участок — береговой склон между оградой нынешних двориков Городской Думы и Литературного музея и строениями вдоль улицы Приморской. Здесь, под стенами здания Горсовета (Думы, бывшей Биржи), в 1999-2000 гг. было заложено два шурфа для археологической диагностики культурного слоя на этом участке. Место было выбрано еще и потому, что растущие здесь ныне деревья достигают примерно столетнего возраста. Это указывает на то, что никакие строительные работы здесь в текущем столетии не производились. Действительно, культурный слой Одессы, состоявший из многочисленных прослоек

бытового и строительного мусора, накопился здесь во временном диапазоне конца XVIII — начала XX в. Это мусор хорошо датировался по своему вещевому составу, а также монетным находкам.

Первый шурф размерами 1×2 м был заложен на вершине склона, а второй у его подошвы. Склон образован семиметровой толщей, преимущественно, строительного мусора от восемнадцатилетнего строительства здания думы, а также грунтовой досыпкой 1867 г., когда на этом участке был снивелирован береговой обрыв.

В первом, верхнем, шурфе на глубине 5,3 м, под одесским слоем обнаружилась окраинная часть большой мусорной ямы турецкого времени, которая была вырублена в материковой глине. Она была вырыта с «дневной» поверх-

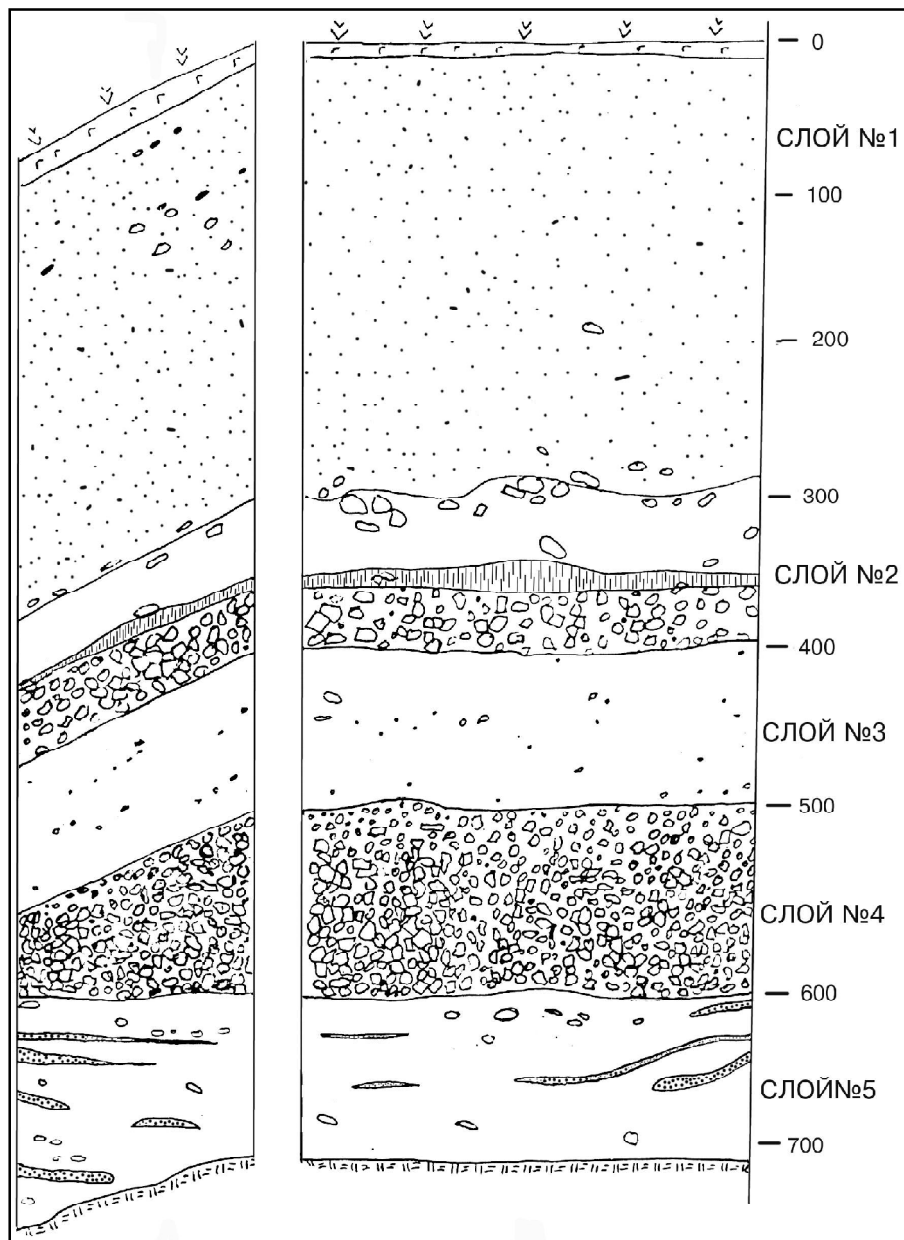

Рис. 9. Стратиграфия нижнего шурфа возле городской Думы.

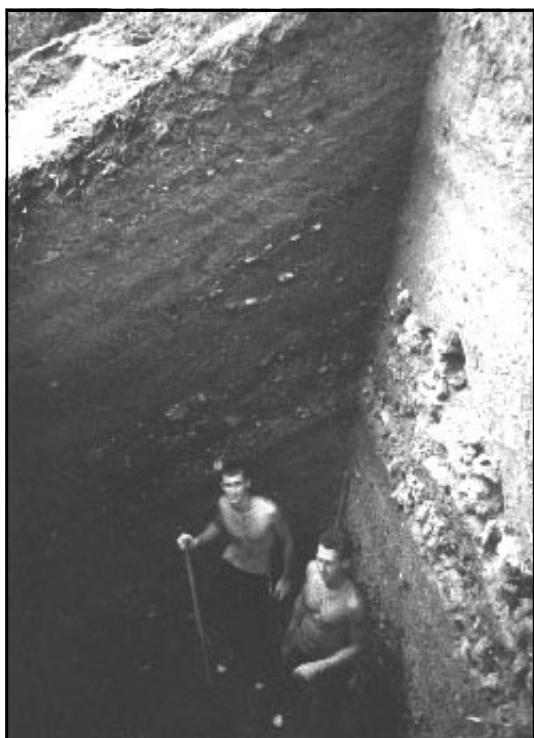

Рис. 10. Стратиграфия нижнего шурфа возле гордской Думы.

ности XVIII в. Эта поверхность находится, таким образом, примерно, на 6-7 м ниже современной. Ее пологий склон продолжался до глубины 6,4 м и затем уходил под борт шурфа. Глубина ямы от ее обнаружения до материка 1,5 м, заполнение представляет собой однородный, очень плотный, гумусированный грунт, четко отчленяющийся от вышележащих слоев одесского времени. Здесь найдены обломки поливной и расписной богатой турецкой посуды. Датировку нашей ямы уточняют и обнаруженные в ней горлышки и донышки «куполодонных» бутылок.

Слой, перекрывающий турецкий, насыщен роскошной фарфоровой столовой посудой и тарелками со штампами английских фабрикантов первой половины XIX в. В нем найдена монета 1812 г. Этот и все последующие прослойки одесского периода содержат остатки перемещенных слоев XVIII в. Из них происходят фрагменты керамики с зеленой, коричневой и желтой поливой. Обнаружена почти целая пиала (рис. 8: 2) без каких либо украшений и росписи.

Во втором шурфе, разбитом у подошвы склона, размерами 3×1,5 м, нам удалось выделить пять слоев. Все они, кроме самого нижнего, турецкого, образованы строительной деятельностью одесского времени и насыпаны с вершины склона, залегая под углом 45 градусов. Материк находился на глубине 7, 4 м от уровня современной дневной поверхности и представлял собой известняковую крошку, покрывающей скалу. Уровень материка шел под наклоном в сторону морского берега. Здесь также все слои дали находки турецкой керамики, ко-

торая в количественном отношении не уступала коллекции посуды XIX в. В заполнении найдены и фрагменты горловин от трех древнегреческих амфор VI в. до н.э. Видимо, они попали сюда вместе с мусором от строительных работ, которые ранее проводились на плато нынешнего Приморского бульвара и разрушили античный слой.

Изучение стратиграфии описанных шурфов показывает, что при строительстве здания Думы были нарушены слои античного и турецкого периодов, которые и попали в переотложенном состоянии на склон турецкого времени. Действительно, на глубине 6 м зафиксирован мощный (более 1 м), нетронутый турецкий слой (слой №5), содержащий немалый набор керамики. Он представлял собой чернозем темного цвета с глыбами синей, так называемой меотической глины, крупными валунами и галькой. Находки турецкой керамики в нем менее многочисленны по сравнению с перекрывающими его слоями одесского времени. Слой не был образован путем сброса грунта со склона. В разрезе борта видно, что грунт насыпан со стороны морского берега. Возможно, это следы нивелировки побережья турками либо же остатки упомянутой пристани. По описаниям, это был участок с утрамбованным грунтом на берегу моря (Маркевич 1894: 158-161). Он имеется на плане Исленьева и изображен на уже упомянутом рисунке из книги Т.Гончарука.

Значительное количество находок представлено мисками с «заостренно-отогнутыми» краями (рис. 8: 3, 6, 11), тарелками с плоско-отогнутым венчиком (рис. 8: 8). Практически все эти фрагменты украшены геометрическим или растительным орнаментом. Во множестве найдены фрагменты красноглиняных пиал (рис. 8: 4, 5), горшков (рис. 8: 7, 9; 11: 2) и кувшинов (рис. 8: 32), не покрытых поливой. Единственным украшением подобной посуды зачастую являются пояски горизонтальных бороздок, нанесенных либо на верхнюю часть тулова, либо под венчик.

Группа горшков представлена поливными и обычными сосудами. Многочислен тип двуручных горшков с отогнутым наружу, уплощенным венчиком (рис. 11: 3, 5, 6, 7.). Поливой покрыта только внутренняя поверхность сосудов. Обломок горшка (рис. 11: 8) имеет на наружной стороне потек расплавленной глазури, что свидетельствует о том, что в момент обжига сосуд находился в горне в перевернутом состоянии. Выделяется ряд более простых сосудов (рис. 8: 15; 11: 9). Их тесто рассыпчатое, с примесью крупнодробленного шамота. Поверхности во всех случаях покрыты голубой или темно-синей неустойчивой краской.

Отметим также несколько поддонов от сосудов не определенных типов. Есть экземпляр сделанный из белой, хорошо отмученной глины и покрытый изнутри желтой поливой (рис.8:

18). Примечательна находка целого днаща от небольшого сосуда буро-коричневого цвета (рис. 8: 19). Внутренняя поверхность полностью залита полупрозрачной светло-коричневой поливой. На внешней стороне подтеки поливы не достали до днаща. На свободном поле процарапано граффити в виде латинских букв «WB».

Найдено несколько обломков от сосудов большого диаметра (тазы?). Один из них (рис. 11: 4) увенчан бороздками и покрыт изнутри поливой. Второй сосуд сероглиняный. Он интересен тем, что имеет массивный, овальный, отогнутый венчик и кольцевой пролощенный орнамент на внутренней поверхности (рис. 8: 17). Сюда же следует отнести фрагмент очень широкого, поливного сосуда с массивным квадратным венцом (рис. 11: 10). Еще один таз (рис. 11: 1) никак не украшен. Он сделан из некачественного слоющегося теста с вкраплениями кварца и известняка. Внутренняя поверхность прогорела вглубь на несколько миллиметров.

Многочисленными фрагментами представлена группа так называемой белоглиняной ке-

рамики (рис. 8: 26, 29, 33, 35, 36, 37). Поверхность этих сосудов шероховатая и покрыта сажей. В подавляющем большинстве случаев венчик и плечико горшков украшены орнаментом, нанесенным красно-коричневым ангобом. Основные варианты орнамента — это горизонтальные прямые и волнистые линии в различных сочетаниях. Такая керамика повсеместно встречается на турецких памятниках Северо-Западного Причерноморья и Молдовы, но происхождение ее не известно. И.В. Волков связывает ее с Московским государством и относит ко второй половине XVII — началу XVIII в. (Волков 1998: 64).

Толстостенная бутылочная «куполодонная» тара (рис. 8: 30, 31, 34) относится к середине и третьей четверти XVIII в. (Добролюбский 1998: 93). Она сделана из иссиня-зеленого стекла и имеет следы формовки — небрежно приделанные пояски на горлышках (рис. 8: 23, 27) и застывшие куски стекла на «куполах» доньев, пузырьки воздуха в стенках. Кроме бутылок встречены тонкостенные маленькие банковидные

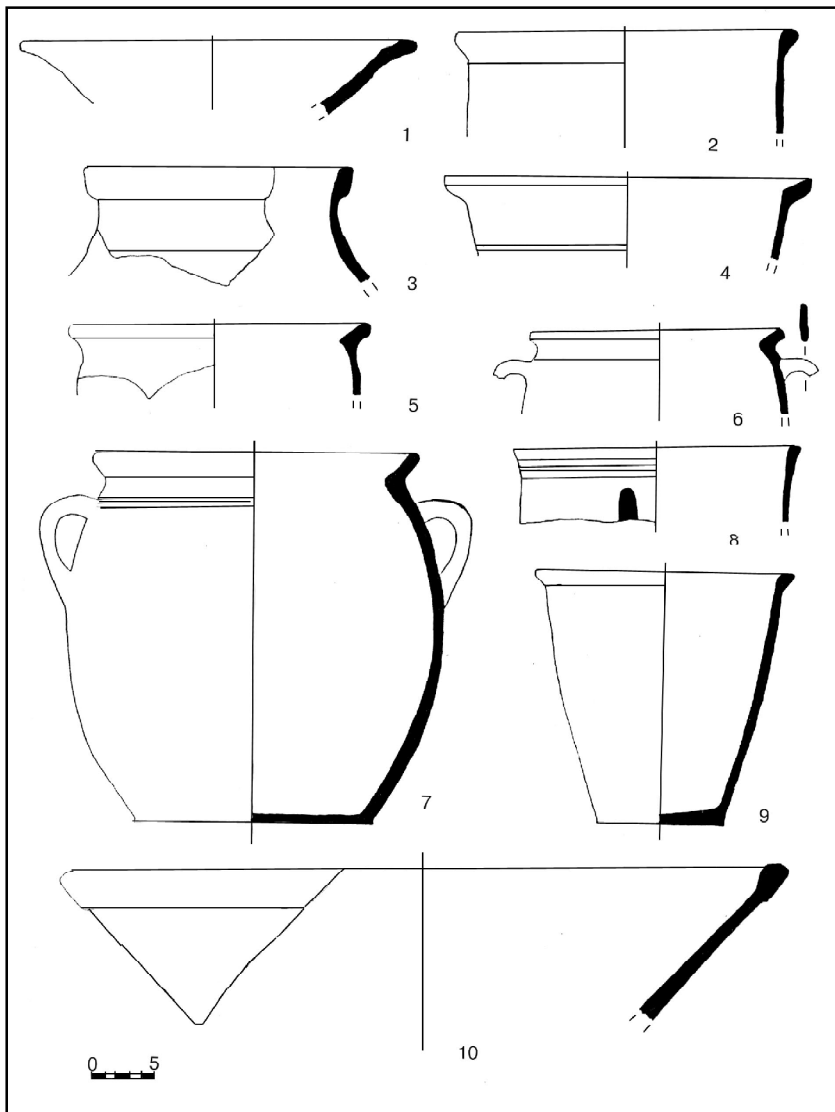

Рис. 11. Гончарная керамика из раскопок Хаджибея.

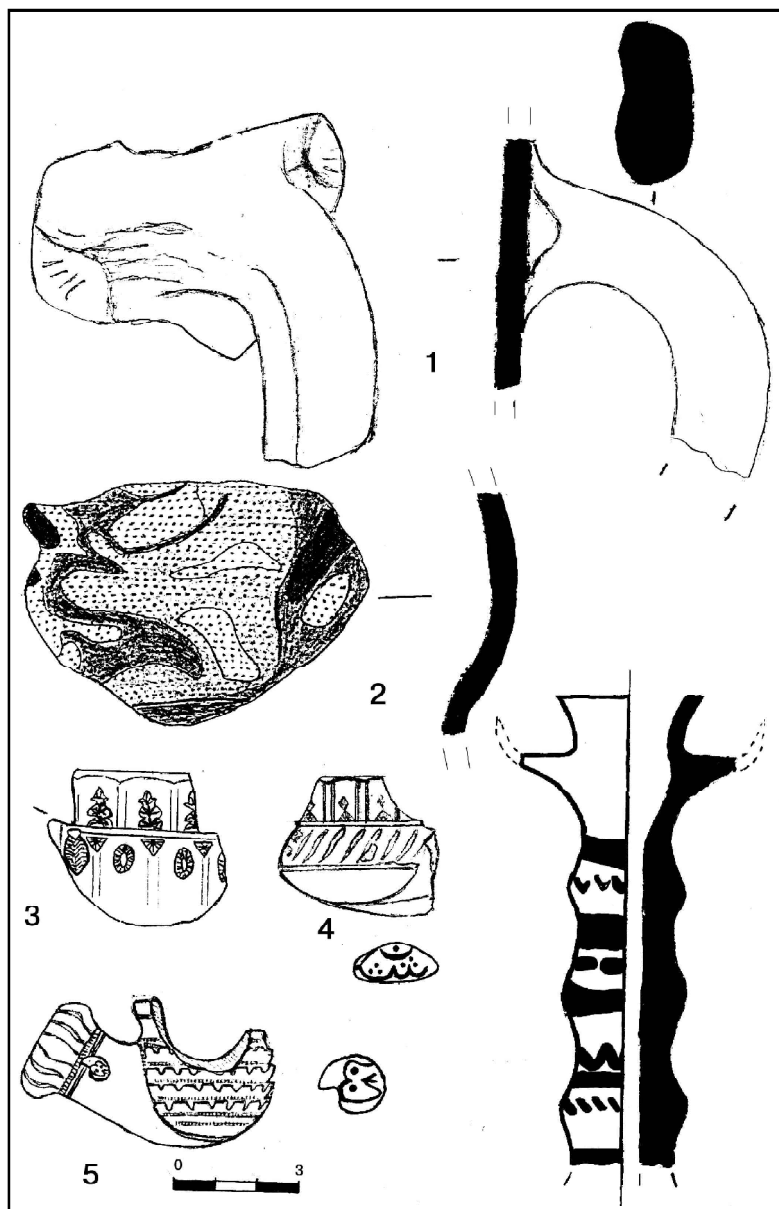

Рис. 12. Керамический материал из раскопок в Карантинной балке и на Приморском бульваре.

сосудики (рис. 8: 24) — возможно, аптечные.

Из индивидуальных находок отметим чугунное ядро диаметром пять сантиметров, фрагменты двух курительных трубок (рис. 12: 3), один из которых незначителен, ножка хрустального фужера на квадратном поддоне, который датируется концом XVIII в. Отметим также находку верхней части глиняного кальяна (рис. 12: 6). Он покрыт белой замазкой, поверх которой нанесен желтый ангоб. На нем геометрический орнамент в виде мазков коричневой краски и зигзага, которые чередуются с красной, зеленой, коричневой линиями. Венчик покрыт зеленой поливой. В центре проделано сквозное отверстие для дыма. На самом дне, у материка, был найден фрагмент сосуда, покрытого густой белой замазкой, на которую нанесен орнамент в виде прямой и зигзагообразной линии коричневого ангоба и пятно светло-зеленой поливы (рис. 8: 20).

Если сравнить керамику из шурфов у здания Городской Думы и из Карантинной балки с находками у стены Хаджибейского замка, то их «узкие» датировки совпадают. Это указывает на полную синхронность сравниваемых материалов. Ясно, что описываемые слои представляют турецкий Хаджибей и, видимо, соотносятся со временем его расцвета — 1770-80-е гг.

Упомянутый план Исленьева представляет собой, по сути, схематический эскиз, составленный русским разведчиком лишь в военных целях. Между тем, этот план дает полную возможность увидеть размещение на местности отдельных строений Хаджибейского «посада». Сопоставление места наших раскопок с планом показывает, что шурфы сделаны приблизительно там, где некогда располагались гостиный двор, мечеть, а также «особливые казенные лавки для приезжих купцов». Иными

словами, своими шурфами мы попали в «торговый и сакральный» центр Хаджибея 1760-80-х гг., — видимо, самое оживленное место. Обилие и разнообразие обломков керамики в этой части Приморского бульвара, не сравнимое по качеству изготовления с находками при крепостных фундаментах, также подтверждает это. Кроме того, к этому центру, у тогдашней «пристани на сваях», примыкал «дом бея янычарского». Здесь же находился колодец, «дом нынешнего командира над городом», а выше (в районе Ланжероновского спуска) располагались «строения для янычар и кучириров турецких и малой части христиан, волохов». Естественно, свое свободное время янычары, кучириры и волохи проводили в «торговом» центре. Надо думать, мы обнаружили археологические следы их времяпрепровождения. По всей видимости, вырытые нами шурфы содержали в себе остатки мусора, выброшенного из гостиного двора и лавок для купцов.

Не исключено, что вместе с упомянутыми янычарами и кучирирами, здесь коротали время и те самые запорожские казаки, которые, по словам А. Скальковского, после разгона Новой Сечи в 1775 г. частично «убрались под Турка». Они «... поселились у подошвы Гаджибейской крепостцы, в так называемой ныне Карантинной балке, и после основали предместье нашего города Пересыпь».

В устье этой балки, судя по плану Исленьева, стояли «неведомо какие строения с припасами». По ее тальвегу, по нынешней ул. Карантинной, летом 2000 г. проводились ремонтно-земляные работы. Слой турецкого времени был значительно потревожен строительством водостока XIX в. Тем не менее, материал, собранный при зачистке строительной траншеи, составляет представительную коллекцию. Керамический набор стандартен. В отличие от шурфов у Думы, единичны находки простой, красноглиняной и белоглиняной керамики. Преобладают фрагменты расписной посуды (рис. 8: 21), ручки, венчики и нижние части поливных кувшинов (рис. 8: 16). Многочисленны находки бутылок с «куполообразным» вогнутым дном, пиал и расписных мисок. Обращает на себя внимание фрагмент сосуда с проштампованной зернистой поверхностью (рис. 12: 2). Тесто высокого качества, хорошо промученное, без заметных включений. Внутренняя поверхность покрыта густой белой поливой. Внешняя — светло-коричневой с желтоватым оттенком. На этот фон нанесен темно-коричневый орнамент в виде стилизованного листа с белыми пятнами и темно-зелеными разводами. Сосуд, по всей видимости, имеет импортное происхождение.

Пять других шурфов были нами заложены и на противоположном, юго-восточном берегу этой балки, в нынешнем парке им. Шевченко (Александровском), напротив стадиона. Здесь, под мощным трехметровым слоем земляной

русской крепости, построенной в 1793 г. и затем разрушенной, также обнаружены остатки турецкого культурного слоя второй половины XVIII в. Этот слой прослежен вдоль всей протяженности нынешней Карантинной гавани, вплоть до мола. Он обильно насыщен образцами уже описанной керамики и «куполодонной» бутылочной тары. По свидетельствам историков, в этом районе располагался хаджибейский маяк, обозначавший современный мыс Ланжерон и отмель, идущую от него в море (Смольянинов 1853: 13-15). Это означает, что турецкий поселок Хаджибей оказался куда более крупным и обширным населенным пунктом, чем это представлялось ранее.

Действительно, план Исленьева, составленный в 1766 г., отражает лишь самое начало строительства крепости и поселка, а наши материалы — все его последующее существование, вплоть до событий 1789 г. и последующих. За четверть века поселок значительно вырос и расширился. Археологически очевидно, что он превратился в цветущий приморский городок с относительно многочисленным и полиэтничным населением.

Завершая описание археологического Хаджибея, попытаемся кратко подвести некоторые предварительные итоги проведенной работы:

Одесский «мусорный проект» был предпринят в 1995 г. с учетом опыта раскопок Петербурга XVIII-XX вв., а также турецкого Измаила XVI-XVIII вв. При этом особое методическое внимание уделялось исследованию выгребных ям и отхожих мест. Именно такие, закрытые, комплексы содержали наибольшее число утерянных монет. Поэтому и содержавшиеся в них предметы массового производства, прежде всего, «куполодонные» бутылки, оказались датированными и для других категорий керамических и иных находок (Добролюбский 1998). Наши датировки оказались сопоставимыми и с хронологической типологией курительных трубок (Волков, Новикова 1996).

Благодаря точной датировке по «куполодонным» бутылкам и курительным трубкам, удалось четко датировать материалы других памятников турецкой эпохи в Северо-Западном Причерноморье, соотнести их с письменными сведениями и непротиворечиво картографировать турецкие военные укрепления вдоль морского побережья между Южным Бугом и Днестром перед окончательной утратой Турцией этих территорий. В частности, оказалась возможной археологическая локализация Ени-Дуньи на западном берегу Тилигула и «отчленение» ее от Хаджибея.

Археологическое изучение Хаджибея под многометровыми залежами «одесского мусора» оказалось возможным именно благодаря обнаружению в нижних слоях датированных материалов второй половины XVIII в., которые уда-

лось уверенно определить как турецкие. Это же, в свою очередь, позволило оконтурить границы культурного слоя Хаджибея под историческим центром современной Одессы. По полученным сведениям, поселок располагался на всей территории между Карантинной и Военной балками (вплоть до улицы Дерibasовской а, скорее всего, и до Греческой), а также простирался вдоль побережья до нынешнего стадиона в парке Шевченко. В настоящее время вполне можно оконтурить хаджибейский поселок на плане нынешнего города. Эта информация станет основой для дальнейшего археологического поиска. Равным образом, находка остатков Гаджибейского замка позволяет подвести итоги продолжительной дискуссии, разгоревшейся вокруг вопроса о его точном местонахождении на Приморском бульваре.

Находки обломков «красно-желто-ленточной» керамики в забутовке фундаментов Хаджибея указывает на вероятность существования здесь поселка еще в XIV в. Несколько фрагментов относится к концу XVII – началу XVIII вв., что подтверждает существование в это время здесь «ничтожной татарской деревушки» (по словам генерала Адлерфельда). Но подавляющее количество находок относится ко второй половине XVIII в., что полностью согласуется со временем существования «Гаджибейского замка» в 1765-89 гг. На эти же годы приходится и расцвет примыкавшего к нему поселка, бывшего, по всей видимости, достаточно крупным военно-торговым пунктом в Северном Причерноморье.

Ни одной находки, относящейся к XV-XVI вв., в уже обширной хаджибейской коллекции пока не имеется. Между тем, именно этот период

нынче провозглашается временем процветания «польско-украинского» Коцюбиева.

Комментируя это обстоятельство, отметим лишь, что развивающееся археологическое «мусороведение» постепенно формирует свои собственные научные законы. Так, «отец» гарбологии Уильям Рэтджи, всю жизнь изучавший современные бытовые отходы, пришел к парадоксальному, но однозначному заключению — наибольшее количество бытового мусора образуется именно в условиях дефицита продуктов. Мы пока не рискуем распространять это наблюдение на археологию «свежих» турецких памятников Причерноморья. Между тем, указанная «гарбологическая» закономерность с очевидностью демонстрируется всей историографией о Хаджибее: легко можно видеть, что чем больший дефицит сведений о его истории, тем интенсивнее образуются вокруг этого сюжета завалы историографического «мусора».

Думается, полученные нами археологические материалы являются принципиально новыми для дальнейшего изучения всей турецкой эпохи. Хочется надеяться, что их обнаружение будет способствовать устранению дефицита добротных сведений и утолению «голода» по источникам, который побуждает историков ко все более изощренным манипуляциям со «свидетельствами очевидцев» в сюжете о Хаджибее. Ясно, что лишь на основе датированных археологических материалов, полученных при раскопках «свежих памятников», возможно удовлетворительное решение многих вопросов истории Причерноморья и очистка этой проблематики от историографической неразберихи.

ЛИТЕРАТУРА

- Атлас Д.Г. 1992. Старая Одесса, ее друзья и недруги. Одесса.
- Боровой С.Я. 1967. Хаджибей в 60-х гг. XVIII ст. // Записки Одесского археологического общества. - Т.2 (35). Одесса.
- Быря П.П. 1984. Молдавский средневековый город в Днестровско-Прутском междуречье. Кишинев.
- Волков И.В. 1998. Керамический комплекс крепости Лютик (Сед-ислам), 1667-1742 // Историко-культурные связи Причерноморья и Средиземноморья X-XVIII вв. По материалам поливной керамики. Симферополь.
- Волков И.В., Новикова Г.Л. 1996. Красноглиняные «турецкие» курительные трубки в собрании музея истории города Москвы: Труды музея истории города Москвы. – М. Вып. 9.
- Добролюбский А.О. 19.02.1994. Исторические миражи Хаджибея-Коцюбиева // Одесский вестник. №26 (589). Одесса.
- Добролюбский А.О. 1994. Население «Новоприобритенной области» перед строительством Одессы // Одесі - 200. Матеріали Міжнародної конференції, присвяченої 200-річчю міста. Одеса.
- Добролюбский А.О. 1998. Турецкая поливная керамика второй половины XVIII в. в Северо-Западном Причерноморье (проблемы датировки) //Историко-культурные связи Причерноморья и Средиземноморья X-XVIII вв. по материалам поливной керамики. Симферополь.
- Кравченко А.А. 1986. Средневековый Белгород на Днестре (конец XIII - XIV в.). К.
- Маркевич А.И. 1894. Город Качибей или Гаджибей – предшественник города Одессы // ЗООИД. Т. XVII. Одесса.
- Смольянинов К. 1853. История Одессы. Одесса.
- Чарнецкий В.А. 29.10.1994. Замок Ени-Дунья // Одесский вестник. №717. Одесса.